

Финитность в морфологии и синтаксисе: свидетельства абазинского языка

© 2023

Петр Михайлович Аркадьев

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия;

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; alpgurev@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются морфологические и синтаксические проявления финитности и нефинитности глагольных форм в полисинтетическом абазинском языке (западнокавказская семья, Карачаево-Черкесия). Показано, что несмотря на то, что целый ряд морфологических явлений так или иначе коррелирует с (не)зависимым статусом предикации, ни одно из них нельзя трактовать однозначно как показатель (не)финитности. Особое внимание уделяется нескольким типам глагольных форм, сочетающих финитные и нефинитные морфологические признаки. Высказываются гипотезы о возможных мотивациях этих «парадоксальных» наборов свойств.

Ключевые слова: абазинский язык, абхазо-адыгские языки, морфология, синтаксис, словоизменение глагола, финитность

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 22-18-00120 «Полипредикация в жестовых и звучащих языках: грамматика, просодия, дискурс». Я благодарю своих абазинских консультантов за щедрую помощь, а также Д. М. Зеленского, Ю. А. Ландера, Г. А. Мороза, А. Б. Панову, Р. В. Сычева и анонимного рецензента за ценные замечания к первоначальному варианту статьи. Никто из означенных лиц не несет ответственности за возможные ошибки и неверные интерпретации.

Для цитирования: Аркадьев П. М. Финитность в морфологии и синтаксисе: свидетельства абазинского языка. *Вопросы языкознания*, 2023, 1: 103–131.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.103-131

Finiteness in morphology and syntax: Evidence from Abaza

Peter M. Arkadiev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; alpgurev@gmail.com

Abstract: The article surveys morphological and syntactic ramifications of finiteness and nonfiniteness of verbal forms in the polysynthetic Abaza language (Northwest Caucasian, Karachay-Cherkessia). In Abaza, a whole range of morphological phenomena exhibit more or less robust correlations with dependent resp. subordinate status of the clause. However, I show that none of these phenomena can be treated as an unequivocal indicator of (non)finiteness, paying particular attention to several types of verbal forms that combine morphological features of both finiteness and nonfiniteness. Hypotheses motivating these “paradoxical” constellations of properties are put forward.

Keywords: Abaza, finiteness, morphology, Northwest Caucasian, syntax, verbal inflection

Acknowledgements: The research was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00120.

For citation: Arkadiev P. M. Finiteness in morphology and syntax: Evidence from Abaza. *Voprosy Jazykoznanija*, 2023, 1: 103–131.

DOI: 10.31857/0373-658X.2023.1.103-131

1. Введение

Понятия «финитность» и «нефинитность», первоначально возникшие в традиции описания классических языков и казавшиеся в ее рамках однозначными и самоочевидными — см., например, [Brugmann 1892: 836–837; Meier-Brügger 2003: 184; Kortjevskaja-Tamm 1999: 146; Maas 2004: 362–364], — при применении их к другим языкам и тем более при использовании их в лингвистической типологии и грамматической теории оказываются связанными с целым комплексом проблем (см., например, [Калинина 1998; Maas 2004; Nikolaeva 2007a; 2010]).

Во-первых, эти понятия, апеллируя, с одной стороны, к синтаксическому статусу предикации как независимой или подчиненной и, с другой, к морфологическому выражению этого статуса в рамках возглавляющей предикацию глагольной формы, с неизбежностью сталкиваются с разнообразными проявлениями несоответствия между этими двумя уровнями языковой структуры [Lasser 1997: 77–107; Nikolaeva 2010: 1177–1178]. Действительно, еще младограмматики осознавали, что морфологически нефинитные формы нередко могут употребляться в синтаксически независимых позициях: см., например, [Brugmann 1892: 842]; ср. понятие «расподчинения» (*insubordination*) и работы [Evans 2007; Evans, Watanabe (eds.) 2016]. Точно так же и те глагольные формы, которые с морфологической точки зрения принято считать финитными, могут преимущественно или даже исключительно использоваться в подчиненных предикациях [Nikolaeva 2007b: 3], см. обсуждение с этой точки зрения косвенных наклонений в таких работах, как [Bybee et al. 1994: 180–181, 212–225; Palmer 2001: 108, 142–144; Holvoet 2021].

Во-вторых, (не)финитность отличается от большинства других грамматических категорий тем, что, как правило, не имеет никаких собственных кодирующих средств и проявляется лишь косвенно — в наличии или, наоборот, отсутствии в глагольной форме выражения других глагольных категорий, таких как лицо, наклонение, время (ср. [Мельчук 1998: 263]), а также в обретении глагольной формой способности выражать такие именные категории, как падеж. В этом смысле (не)финитность является своего рода «метакатегорией» (ср. [Givón 1990: 853]), лингвистический статус которой уже по этой причине может вызывать сомнения.

В-третьих, только что упомянутая особенность категории (не)финитности — обусловленность реализацией других глагольных и/или именных категорий — с неизбежностью предполагает градуальный и конкретно-языковой характер противопоставления финитных и нефинитных форм. То, по каким параметрам и в какой мере та или иная глагольная словоформа отличается от форм, выступающих в позиции сказуемого независимого утвердительного предложения, и, напротив, приобретает свойства именных словоформ, определяет степень ее нефинитности, которая у разных форм может быть различной (см., например, [Lehmann 1988; Malchukov 2004] о скалярном подходе к номинализации, или [Stassen 1985], где вводится понятие «*deranking*», использующееся, например, для типологического определения причастий в работе [Shagal 2019]). Такая точка зрения на (не)финитность является практически общепринятой в работах функционально-типологического направления: см., например, [Калинина 1998; 2001; Givón 2001, II: Ch. 18; Cristofaro 2003; 2007; Nikolaeva 2007b; 2013; Creissels 2009; Аркадьев 2014].

Альтернативная точка зрения на (не)финитность была высказана в работах В. Бизанга [Bisang 2001; 2007; 2016], который определяет финитность как грамматикализованное выражение независимого статуса предикации: “If a language has an overt morphosyntactic marker from which the human parser can derive the independent status of a grammatical structure[,] that language makes a finite/nonfinite distinction”¹ [Bisang 2007: 116]. Подобное коди-

¹ «Если в языке есть выраженное морфосинтаксическое средство, с помощью которого слушающий может определить независимый статус грамматической конструкции, в этом языке есть противопоставление по финитности / нефинитности».

рование независимого статуса клаузы может опираться на морфологическое выражение тех или иных словоизменительных глагольных категорий (например, лично-числового согласования, времени, вежливости или иллокутивной силы; отмечу, что в качестве примера последнего способа обязательного выражения финитности В. Бизанг приводит абхазский язык; в работе [Bisang 2016] к списку критериев добавляется морфосинтаксическое кодирование информационной структуры, ср. [Kalinina, Sumbatova 2007]). Если же в данном языке нет обязательного грамматического выражения независимого статуса предикации (либо в силу отсутствия глагольной морфологии в принципе, либо если эта морфология никак не чувствительна к статусу клаузы), то применительно к нему бессмысленно говорить о (не)финитности. Тем самым в данной концепции (не)финитность оказывается категорией дискретной, но не универсальной.

Настоящая статья обращается к проблеме оппозиции финитных и нефинитных глагольных форм в абазинском языке, входящем в абхазо-адыгскую (западнокавказскую) семью. Данное противопоставление традиционно выделяется во всех описаниях западнокавказских языков: см., например, [Рогава, Керашева 1966: 110–112; Гишев 1989: 108–113; Кумахов (ред.) 2006: 162–164, 524–536; Аристава и др. 1968: 61–73; Чкадуа 1970; Табулова 1976: 146–147; Ломтатидзе 2006: 141–142, 155–163; Fenwick 2011: 109–110; Hewitt 2005: 110–112; Arkadiev, Lander 2020: 415–418], а также специальные исследования [Керашева 1984; Hewitt 1987; 2010; Ершова 2012]. При этом с типологической точки зрения разграничение финитных и нефинитных форм в абхазо-адыгских языках и в частности в абазинском и близкородственном ему абхазском весьма нетривиально.

Во-первых, по крайней мере на первый взгляд, абазинский является одним из немногих языков, применительно к которым имеет смысл говорить о финитности как морфологической категории в строгом смысле этого слова: финитные и нефинитные формы в основном последовательно различаются с помощью специализированных или кумулятивных аффиксов, выражающих независимый либо подчиненный статус предикации². При этом нефинитные формы в общем случае не отличаются от финитных с точки зрения выражения актантов и категории времени.

Во-вторых, в абазинском специальное морфологическое маркирование имеют в первую очередь финитные формы, в то время как некоторые нефинитные формы оказываются немаркированными. Последние нередко служат базой для целого ряда подпарадигм глагола, в частности отрицательных и интеррогативных, в которых могут наблюдаться нетривиальные сочетания морфологических и синтаксических признаков финитности и нефинитности. Одновременно некоторые морфологически финитные формы могут использоваться в зависимых предикациях — как со специальным дополнительным маркированием, так и без него.

Задача данной статьи — предложить описание различных морфологических коррелятов финитности и нефинитности в абазинском языке и на его примере показать, как это противопоставление может вести себя в языке, где его реализация, казалось бы, максимально приближена к «классической» грамматической категории. Особое внимание будет уделено «парадоксальным» сочетаниям финитных и нефинитных свойств глагольных форм — как морфологических, так и синтаксических.

Дальнейшая структура статьи такова: в разделе 2 приводятся необходимые базовые сведения о грамматике абазинского языка, в разделе 3 обсуждаются основные морфологические признаки (не)финитности абазинского глагола, а раздел 4 посвящен глагольным формам, совмещающим финитные и нефинитные свойства. Раздел 5 подводит итоги исследования.

В статье используются в первую очередь данные, собранные в ходе полевой работы с носителями абазинского языка в экспедициях НИУ ВШЭ и РГГУ в аул Инжич-Чукун Абазинского района Карачаево-Черкесской Республики в 2017–2019 гг. и в аул Красный

² Ср. [Мельчук 1998: 262], где в качестве примера последовательного маркирования финитности приводится абхазский — правда, без ссылки на источник и с фактическими ошибками.

Восток Малокарачаевского района КЧР в 2021 г. Примеры из записанных в ходе этих поездок текстов помечены как (txt), а элицитированные примеры — как (е). Помимо этого используются примеры из литературных текстов и специальных исследований. Абазинские формы в тексте и в таблицах приводятся в кавказоведческой транскрипции, глоссированные примеры даются также в кириллической записи. Акцентуация приводится для тех примеров, в которых она была подтверждена носителями.

2. Необходимые сведения об абазинском языке

Подобно другим абхазо-адыгским языкам, абазинский язык характеризуется полисинтетизмом, т. е. высокой синтагматической сложностью глагольной морфологии, в которой концентрируется значительная часть информации о синтаксической и семантической структуре клаузы. В частности, абазинский глагол включает показатели лица, числа и рода от одного до четырех актантов, каузатива и целого ряда специализированных аппликативов [O’Herin 2001], один или несколько пространственных превербов, многие из которых имеют очень конкретные значения и могут трактоваться как инкорпорированные существительные [Клычев 1994; 1995; А. Авидзба 2017; Аркадьев 2021], аффиксы с направительной, аспектуальной, модальной и оценочной семантикой [Клычев 1972; 3. Авидзба 2017; Панова 2019], а также многочисленные и разнообразные показатели синтаксического статуса клаузы (префиксы релятивизации и суффиксы конвербов). С некоторыми огрублениями³ линейно-синтагматическая структура абазинского глагола может быть представлена в виде порядковой модели, включающей ряд префиксальных и суффиксальных позиций, в свою очередь группирующихся в несколько зон, см. таблицу 1.

Таблица 1

Структура абазинского глагола

		превербы (Π)								основа (Σ)					окончания				
-12	-11	-10	-9	-8	-7	-6	-5	-4	-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4	+5	+6	+7
абсолютив	субординаторы, отрицание	репетитив	потенциалис	аппликативы	директивные префиксы	локативные превербы	непрямой объект	эргатив	отрицание	каузатив	ассоциатив	корень	директивные суффиксы	событийные операторы	множественное число	аспект, время	отрицание	ретроспектив, модальность	субординаторы, иллюкуция

В абазинском языке, подобно абхазскому и в отличие от убыхского и адыгских, нет грамматических падежей, и вся информация о семантико-синтаксических функциях актантов выражается в составе глагольной словоформы (см., в частности, [Гагиев 2000; O’Herin 2002]). Кодирование ядерных актантов следует эргативной модели: личные префиксы

³ Во-первых, некоторые из позиций в табл. 1 могут содержать более одного аффикса, во-вторых, некоторые аффиксы способны занимать различные позиции в зависимости от своей функции или степени лексикализованности, в-третьих, существуют цельнооформленные глагольные словоформы, состоящие из двух лексических компонентов, каждый из которых может сопровождаться своими показателями актантной структуры, аспекта, времени и модальности, см. [Панова 2020].

абсолютивной серии, выступающие в позиции –12 и индексирующие субъект непереходного глагола (S) и пациенс переходного глагола (P), см. примеры (1) и (2), противопоставляются всем прочим личным префиксам, индексирующим эргативный агенс переходного глагола в позиции –4, см. пример (3), а также не прямой объект в позиции –5 и объекты, вводимые локативными превербными, аппликативными и потенциалисом в позициях –6, –8 и –9, см. пример (4). Та же серия личных префиксов кодирует объект послелогов и посессор при существительных, см. пример (5).

- (1) *cɔlanxaxmI*
s-ɬa-nɬa-χ-ɬ
 1SG.ABS-CSL-остаться[AOR]-RE-DCL
 ‘я осталась’ (txt)
- (2) *cɔlaiɓamI*
s-ɬa-j-ba-ɬ
 1SG.ABS-CSL-3SG.M.ERG-видеть[AOR]-DCL
 ‘он увидел меня’ (txt)
- (3) *ɪyɪzɓumI*
jə-z-b-əj-ɬ
 3PL.ABS-1SG.ERG-видеть-PRS-DCL
 ‘я вижу их’ (txt)
- (4) *dɔsɪzɪarɐxmI*
d-sə-z-ɬa-r-g-χ-ɬ
 3SG.H.ABS-1SG.IO-BEN-CSL-3PL.ERG-нести[AOR]-RE-DCL
 ‘они принесли его ко мне’ (txt)
- (5) *san lɪnɪ*
s-an *l-pnə*
 1SG.PR-мать 3SG.F.IO-возле
 ‘к моей матери’ (e)

С формальной точки зрения две серии префиксов четче всего различаются в формах третьего лица, однако они демонстрируют различное морфонологическое поведение и в остальных лицах, где базовые формы префиксов совпадают. См. таблицу 2, включающую также релятивные префиксы, о которых пойдет речь ниже.

Таблица 2

Личные префиксы

	Абсолютивные	Неабсолютивные		Абсолютивные	Неабсолютивные
1Sg	<i>s(ə)-</i>	<i>s(ə)-/z-</i>	1Pl	<i>h(ə)-</i>	<i>h(ə)-/ɬ-</i>
2SgM	<i>w(ə)-</i>	<i>w(ə)-</i>	2Pl	<i>ʂ(ə)-</i>	<i>ʂ(ə)-/ž-</i>
2SgF	<i>b(ə)-</i>	<i>b(ə)-/p-</i>			
3SgM		<i>j(ə)-</i>			
3SgF	<i>d(ə)-</i>	<i>l(ə)-</i>	3Pl	<i>j(ə)-/∅-</i>	<i>r(ə)-/d(ə)-</i>
3SgN	<i>j(ə)-/∅-</i>	<i>a-/na-</i>			
REL	<i>j(ə)-</i>	<i>z(ə)-</i>			

Личный префикс абсолютива 3 л. ед. ч. неличного рода и 3 л. мн. ч. *j(ə)-* может быть опущен, если соответствующий актант выражен и непосредственно предшествует предикату, ср. примеры (6a) и (6b).

- (6) а. *йгIахIкъви́в́а́нI*
j-ʕa-h-qʷʕá-p
 3SG.N.ABS-CSL-1PL.ERG-собирать-NPST.DCL
 ‘мы соберем [это]’ (txt)
- б. *магъра́йкwa гIахIкъви́в́а́нI*
maɣráj-kʷa ʕa-h-qʷʕá-p
 ежевика-PL [3SG.N.ABS]CSL-1PL.ERG-собирать-NPST.DCL
 ‘мы соберем ежевику’ (txt)

Важной особенностью грамматики западнокавказских языков является слабое противопоставление знаменательных частей речи. В случае абазинского это проявляется в том, что практически любая знаменательная основа, как простая, так и сложная, может быть помещена в предикативную позицию и оформлена соответствующей глагольной морфологией, ср. примеры (7a) и (7b).

- (7) а. *дгылаб*
d-gəla-b
 3SG.H.ABS-стоять-NPST.DCL
 ‘он(а) стоит’ (e)
- б. *Сарá сан дадыгъáб.*
sará s-an d-adəgʷá-b
 я 1SG.PR-мать 3SG.H.ABS-адыг-NPST.DCL
 ‘Моя мать черкешенка’. (txt)

Напротив, с помощью релятивизации глагольные словоформы могут помещаться в актантные позиции. Так, в примере (8a) абсолютным актантом является существительное «ее язык», а в примере (8b) в той же синтаксической роли выступает релятивная форма глагола ‘приходить’; дополнительный параллелизм обеим конструкциям сообщает использование аддитивного суффикса.

- (8) а. *Лыбызйивагъи хIлырдыр.*
lə-bəzʕa-gʷəj h-lə-r-dər-d
 3SG.F.PR-язык-ADD [3SG.N.ABS]1PL.IO-3SG.F.ERG-CAUS-знать[AOR]-DCL
 ‘Она научила нас и своему языку’. (txt)
- б. *ЙгIа́йкwaзгъи ркIва́б́и́мI.*
j-ʕá-j-kʷa-z-gʷəj r-kʷab-əj-ɪ
 REL.ABS-CSL-идти-PL-PST.NFIN-ADD [3PL.ABS]3PL.ERG-купать-PRS-DCL
 ‘Они купают и тех, кто пришел’. (txt)

Тем не менее грамматические различия между именами и глаголами в абазинском имеются: в частности, глагольные формы, даже с префиксами релятивизации, не могут присоединять префикс определенности и индексировать посессора. Единственные отглагольные образования, способные становиться полноценными именами и принимать именную морфологию, — номинализации, в частности масдар с суффиксом *-ra* (этот суффикс омонимичен, по крайней мере синхронно, глагольному показателю нефинитного будущего, см. ниже), ср. пример (9a), где личный префикс в составе номинализации имеет референцию к субъекту, при том что личный префикс в той же позиции в составе глагольной словоформы мог бы обозначать лишь получателя помощи (9b).

- (9) а. *Дазпиуата уа уцхърагIара <...>*
d-a-z.pʃ-wa-ta wa w-c-ɣraʕa-ra
 3SG.H.ABS-3SG.N.IO-ждать-IPF-ADV ты.М 2SG.M.PR-COM-помогать-MSD
 ‘Она ждет твоей помощи’. (АП: 14, Али Ионов)

- b. <...> *самуьыханцІыкІьара сырцхърагІамІ.*
s-a-m-wə-χa-nçəq'ara sə-r-c-qraʕa-t
 1SG.ABS-DAT-NEG-мочь-INC-UNTIL 1SG.ABS-3PL.IO-COM-помогать[AOR]-DCL
 ‘До тех пор, пока я не стала немощной, я помогала им’. (txt)

Как уже было сказано, через всю глагольную систему абазинского языка проходит противопоставление финитных и нефинитных форм. Исходя из семантико-синтаксического критерия (не)финитности как (не)способности глагольной формы возглавлять независимую предикацию, а также опираясь на морфологические критерии, о которых подробнее пойдет речь ниже, в абазинском можно выделить следующие классы финитных и, соответственно, нефинитных форм:

1. Финитные формы.

1.1. Декларативные формы, выражающие ассерцию.

1.1.1. Неотрицательные, см. примеры выше.

1.1.2. Отрицательные, ср. (10).

- (10) *дгълымдърхд*
d-g'-lə-m-dər-χ-d
 3SG.H.ABS-NEG.EMP-3SG.F.ERG-NEG-знать[AOR]-RE-DCL
 ‘она его не знала’ (txt)

1.2. Общевопросительные формы.

1.2.1. Неотрицательные, ср. (11a).

1.2.2. Отрицательные, ср. (11b).

- (11) a. *Йыздырхуазма цта?*
jə-z-dər-χ-wa-z-ta *ʕʔa*
 3SG.N.ABS-1SG.ERG-знать-RE-IPF-PST.NFIN-Q PTCL
 ‘Разве я помнил это?’ (txt)

- b. *Уыгъымпхацума?*
wə-g'ə-m-pχaʕ'-əw-ta
 2SG.M.ABS-NEG.EMP-NEG-стыдиться-IPF-Q
 ‘Тебе не стыдно?’ (txt)

1.3. Частновопросительные формы (актантные и обстоятельственные), ср. (12a–b).

- (12) a. *Йуьцквезда?*
j-wə-c-kʷa-z-da?
 REL.ABS-2SG.M.IO-быть_вместе-PL-PST.NFIN-Q.H
 ‘Кто с тобою был?’ (txt)
- b. *Ари́ а́хча нба́гІазгъыч?*
arəj aχɕ'a n-bá-ʕa-z-kəɕʔ
 PROX.SG DEF+деньги REL.TMP-QADV-CSL-1SG.ERG-красть
 ‘Где я украл эти деньги?’ (txt)

1.4. Прочие неассертивные формы (императив, прохибитив, оптатив, пермиссив), ср. (13a–d).

- (13) a. *йрахІв*
j-r-a-hʷ
 3SG.N.ABS-3PL.IO-DAT-говорить[IMP]
 ‘скажи им [это]’ (txt)

- b. *Ауи ақьомгъи бымхІван.*

awəj a-qawm-g'əj bə-m-h'a-n
DIST.SG DEF-столько-ADD 2SG.F.ERG-NEG-говорить-PRON

‘Столько не говори’. (txt)

- c. *УицІанхаз ацкІысгъи упсыхында!*

w-š-la-nə-z ačkəs-g'əj w-psə-χə-nda!
2SG.N.ABS-REL.MNR-CSL-оставаться-PST.NFIN 3SG.N.IO+чем-ADD 2SG.M.ABS-умирать-RE-OPT

‘Лучше бы тебе умереть, чем остаться таким, какой ты есть!’ [Табулова 1976: 159]

- d. *АзгІв́адара хІымазтІ.*

a-z'wáda-ra hə-ma-z-ť
DEF-здоровый-NML 1PL.IO-иметься-PRM.ST-DCL

‘Пусть у нас будет здоровье’. (txt)

2. Нефинитные формы⁴.

- 2.1. Релятивные формы (актантные и обстоятельственные), ср. (14a–b), и основанные на них формы (обобщенно-уступительные и некоторые иные обстоятельственные), ср. (15a–b).

- (14) a. *сзырпхъаз йтагъжва*

s-zə-r-pχ'a-z j-tag'wza
1SG.ABS-REL.ERG-CAUS-ночевать-PST.NFIN 3SG.M.PR-жена

‘жена того, кто дал мне ночлег’ (АП: 15, Али Ионов)

- b. *хІанц́ахра хІапскв́а ѳацІу анны*

h-an-cá-χ-ra ha-ps-k'wá ʔá-č-əw a-pnə
1PL.ABS-REL.TMP-идти-RE-FUT.NFIN 1PL.PR-мертвый-PL REL.LOC-быть.под-PRS.NFIN 3SG.N.IO-возле

‘когда мы вернемся туда, где лежат наши покойники’ (txt)

- (15) a. *БъацалакІгъи сбыцъргаргІамІ.*

b-ʔa-ca-la-k-g'əj s-bə-cə-r-ga-r'əʔ
2SG.F.ABS-CSL-идти-CNC-INDF-ADD 1SG.ABS-2SG.F.IO-COM-3PL.ERG-нести-PRM.DYN

‘Куда бы ты ни ушла, пусть меня возьмут с тобой’. [Табулова 1976: 189]

- b. *Амара иташвузбырг йгІалахъвлатІ.*

a-mara š-ta-š-əw-z-bərg j-š-la-la-q'wla-ť
DEF-солнце REL.MNR.LOC-падать-IPF-PST.NFIN-IMMED 3SG.N.ABS-CSL-LOC-смеркаться[AOR]-DCL

‘Как только село солнце, сразу наступили сумерки’. [Табулова 1976: 211]

2.2. Форма без специальных показателей, ср. (16).

- (16) *ХІдзцау́а хІа́лагамІ.*

h-zca-wá h-á-la-ga-ť
1PL.ABS-плавать-IPF 1PL.ABS-3SG.N.IO-LOC-начинать[AOR]-DCL

‘Мы начали плавать’. (txt)

2.3. Формы с адвербиальным показателем, ср. (17a–b).

- (17) a. *АхІа́къварала хІы́лачІвата тихІырпху́н.*

a-háq'wara-la hə-la-ča-ta č-hə-r-pχ-əw-n
DEF-гравий-INS 1PL.ABS-LOC-сесть-ADV RFL-1PL.ERG-CAUS-согреваться-IPF-PST.DCL

‘Сев на камушки, мы согрелись’. (txt)

⁴ Я сознательно исключаю из рассмотрения упомянутый выше масдар, который в разных употреблениях демонстрирует различные наборы именных и глагольных свойств, чтобы ограничиться лишь несомненно глагольными формами.

- b. *XIɬaɪxʉánta ɯɪmʈá-namáz xɪatáɯaxʉan.*
h-ɬa-j-χ-wá-n-ta *ʃ'əmtá-namáz* *h-atá-ca-χ-wa-n*
 1PL.ABS-CSL-идти-RE-IPF-PST.DCL-ADV утро-заря 1PL.ABS-REP-идти-RE-IPF-PST.DCL
 'Мы возвращались на заре, [а потом] опять уходили'. (txt)

2.4. Формы с суффиксами специализированных конвербов (таксисных, условных, уступительных, целевых и т. п.), ср. (18a–с).

- (18) a. *Hína ɔɬasɯxʉrɪɬumɯa ɯɪanɪkwá sɾɪkwɪrɣɪɬxɔd.*
nína d-ɬa-s-c-qrɔ́ɬ-əw-mca *s-ʃ'ap-kʷá*
 Нина 3SG.H.ABS-CSL-1SG.IO-COM-помогать-IPF-SIM 1SG.PR-нога-PL
s-rɔ́-kʷ-lə-r-ɣəl-χ-d
 1SG.ABS-3PL.IO-LOC-3SG.F.ERG-CAUS-стоять[AOR]-RE-DCL
 'Нина, помогая мне, поставила меня снова на ноги'. (txt)
- b. *Uɪɟɟwkwá tuɯɬuztɪn <...> ápaɬxɬa ɪ́ɪxɬə ɪ́ɪtə.*
wá-ɛ-kʷa *tə-w-ɕ-əw-ɬtən* <...> *á-raχʷ.χɕ'a* *jə-χʷ*
 2SG.M.PR-корова-PL LOC.ELAT-2SG.M.ERG-гнать-IPF-COND.REAL DEF-пастух 3SG.M.PR-цена
jə-ta
 [3SG.N.ABS]3SG.M.IO-давать[IMP]
 'Если выгоняешь скот, <...> плати пастуху'. (txt)
- c. *Ayat cɬarɪpɯxʉarɯɪs ɯɪvɪmɪ.*
awat s-ɬa-rə-pχ'a-rnəs *s-ʃ-əj-t*
 DIST.PL 1SG.ABS-CSL-3PL.IO-читать-PURP 1SG.ABS-бояться-PRS-DCL
 'Я боюсь их [свои стихи] читать'. (АП: 16, Фатима Апсова)

В следующем разделе, не разбирая подробно особенностей употребления отдельных форм из указанных классов, я остановлюсь на их морфологических характеристиках, коррелирующих с (не)финитностью.

3. Морфологические корреляты (не)финитности

В абазинском языке можно выделить четыре типа морфологических коррелятов (не)финитности, различающихся тем, насколько непосредственно или, наоборот, опосредованно они выражают именно (не)зависимый синтаксический статус клаузы.

Во-первых, это суффикс *-t/-d* (его фонетический облик является параметром социолингвистического и диалектного варьирования), условно обозначаемый как «декларатив», единственная функция которого — маркировать глагольную форму как независимую. Данный аффикс появляется по умолчанию в ассертивных (индикативных) формах как динамических, так и статических глаголов при условии, что они не содержат иных показателей, выражающих ассертивность кумулятивно с временем (см. ниже). Кроме того, я предлагаю выделять суффикс декларатива также в формах пермиссива, традиционно рассматриваемых как маркированные целевыми суффиксами *-ɬt/-zd* и *-rɬat/-rɬad*, ср. [Табулова 1976: 157–159]. Содержательным аргументом в пользу такого решения служит тот факт, что декларативные формы, в первую очередь немаркированный аорист, могут и сами по себе выражать пермиссивное или оптативное значение [Чкадуа 1970: 135], ср. примеры (19a–b).

- (19) a. *Aɬɬwáɬara xɪɪmazmɪ.* (=13d)
a-zɬʷáda-ra *hə-ma-z-t*
 DEF-здоровый-NML 1PL.IO-иметься-PRM.ST-DCL
 'Пусть у нас будет здоровье'. (txt)

б. *УызгIвадахатI.*

wə-zɣʷada-χa-t

2SG.ABS.M-здоровый-INC[AOR]-DCL

‘Благодарю тебя (букв. пусть ты будешь здоров)’. (е)

Во-вторых, это показатели, с одной стороны, косвенных наклонений, выражающих неассертивные речевые акты и в общем случае неспособных выступать в подчиненной синтаксической позиции, и, с другой стороны, многочисленные показатели конвербов, релятивизации и их комбинации, появление которых в составе глагольной формы при прочих равных исключает ее независимое использование (о ряде отступлений от этих общих правил пойдет речь в следующем разделе).

В-третьих, это показатели времени, распределяющиеся по финитной и нефинитной парадигмам. Здесь необходимо подробнее остановиться на структуре видо-временной системы абазинского языка (см. подробнее [Чкадуа 1970; Клягина 2018: 24–49]). Как и во всех западнокавказских языках, в абазинском противопоставляются динамические и статические глаголы, различающиеся как набором видо-временных форм, так и способами их оформления. Если статические глаголы (к которым относятся закрытый класс предикатов позиции и состояния, результативные формы динамических глаголов, а также все имена в предикативной позиции) различают лишь формы настоящего и прошедшего времен (формы будущего времени при необходимости образуются путем предварительной «динамизации» с помощью специальных суффиксов), то динамические глаголы различают перфективные и имперфективные формы прошедших времен, а также две формы будущего времени, одна из которых маркируется так же, как презенс статических глаголов. Важнейшим противопоставлением, последовательно проходящим через всю систему времен у обоих классов глаголов, является оппозиция **простых** и **ретроспективизированных** форм. Последние характеризуются единством морфологического оформления с помощью выступающего в финитном и нефинитном вариантах суффикса **ретроспективного сдвига** (в глоссах обозначаемого как PST) и определенной общностью семантики, переносящей ситуацию на шаг в прошлое (о показателях ретроспективного сдвига см., например, [Плунгян 1998; Сичинава 2013: 18–21; Plungian, van der Auwera 2006: 344]).

В таблицах 3 и 4 представлены, соответственно, парадигмы показателей простых и ретроспективизированных финитных и нефинитных неотрицательных форм времен статических и динамических глаголов.

Таблица 3

**Неотрицательные формы
простых времен**

	Финитные	Нефинитные
Статический презенс	<i>-p/b</i>	<i>-əw</i>
Динамический презенс	<i>-əj-t/d</i>	<i>-wa</i>
Аорист	<i>-t/d</i>	∅
Будущее I	<i>-wa-š-t/d</i>	<i>-wa-š</i>
Будущее II	<i>-p/b</i>	<i>-ra</i>

Таблица 4

**Неотрицательные формы
ретроспективизированных времен**

	Финитные	Нефинитные
Статический претерит	<i>-n</i>	<i>-z</i>
Имперфект	<i>-wa-n</i>	<i>-wa-z</i>
Динамический претерит	<i>-n</i>	<i>-z</i>
Конъюнктив I	<i>-wa-šə-n</i>	<i>-wa-šə-z</i>
Конъюнктив II	<i>-rə-n</i>	<i>-rə-z</i>

Как видно, противопоставление финитных и нефинитных временных форм проявляется несколькими способами. Наиболее очевидно и последовательно оно в подсистеме ретроспективизированных форм, где (не)финитность выражается кумулятивно с собственно ретроспективным сдвигом, а сами показатели *-n* (финитный) и *-z* (нефинитный) присоединяются к идентичным основам. В подпарадигме же простых времен финитность

реализуется в употреблении уже упомянутого суффикса декларатива *-t/-d* в формах динамического презенса, аориста и будущего I, а также суффикса декларатива непрошедшего времени *-p/-b* в формах статического презенса и будущего II⁵ (кроме того, тот же суффикс используется в формах инферентива, см. ниже). Соответствующие нефинитные формы отличаются от финитных в первую очередь отсутствием декларативных суффиксов. Кроме того, финитные и нефинитные формы могут различаться особыми показателями времени, ср. финитный динамический презенс, нефинитный статический презенс, нефинитный футурум II, а также использование имперфективного⁶ суффикса *-wa* в нефинитном динамическом презенсе.

Наконец, обращает на себя внимание то, что у динамических глаголов основой для образования ретроспективизированных форм служат соответствующие нефинитные. Обратившись к отрицательным формам, мы обнаруживаем там ту же картину, см. таблицу 5, в которой приведены отрицательные формы простых времен (отрицательные корреляты ретроспективизированных форм в силу их морфологических особенностей будут рассмотрены в следующем разделе). Обозначения Π и Σ в таблице соответствуют морфологическим зонам «превербов» и «основы» в позиционной структуре, приведенной в таблице 1.

Таблица 5

Отрицательные формы простых времен

	Финитные	Нефинитные
Статический презенс	<i>g'-Π-Σ-m</i>	<i>Π-Σ-m</i>
Динамический презенс	<i>g'-Π-Σ-wa-m</i>	<i>Π-m-Σ-wa</i>
Аорист	<i>g'-Π-m-Σ-t/d</i>	<i>Π-m-Σ</i>
Будущее I	<i>g'-Π-Σ-wa-šə-m</i>	<i>Π-m-Σ-wa-š</i>
Будущее II	<i>g'-Π-Σ-rə-m</i>	<i>Π-m-Σ-ra</i>

Легко видеть, что и финитные, и нефинитные отрицательные формы динамических глаголов образуются от соответствующих нефинитных форм (ср. [Табулова 1976: 154]). Единственное исключение из этого правила — финитный отрицательный аорист, в котором сохраняется суффикс декларатива *-t/-d* и в силу этого отрицательный показатель помещается перед основой. Различия между финитными и нефинитными отрицательными формами проявляются в том, что в финитных формах отрицание выражается дважды: амбификсом *-m-* и префиксом *g'-* в позиции –11, по происхождению являющимся эмфатической частицей [Гванцеладзе 2010: 44–45; Пазов 2019]. Что касается позиции показателя отрицания *-m-*, то, хотя на основании данных в таблице 5 может создаться впечатление, будто в финитных формах он по умолчанию является суффиксом, а в нефинитных — префиксом, ниже мы увидим, что это не так.

Не вполне коррелирует с финитностью и распределение эмфатического отрицательного префикса *g'-*: он выступает не во всех формах, способных возглавлять независимую клаузу, но лишь в ассертивных и общевопросительных, ср. пример (11b) выше. В формах прохибитива (13b), пермиссива и оптатива отрицание выражается лишь аффиксом *m-*, ср. (20a–b), и с этой точки зрения формы косвенных наклонений попадают на один класс с нефинитными формами конвербов и релятивизации, ср. (21a–b).

⁵ Семантически две формы будущего времени противопоставлены как нейтральная (футурум I) и модализованная (футурум II); замечу, что в абазоведческой литературе [Чкадуа 1970: 147–152; Табулова 1976: 151–152] обозначения для будущих времен зеркальны по сравнению с принятыми здесь.

⁶ Суффикс *-wa* используется как показатель имперфективного аспекта в формах (нефинитного) презенса и имперфекта, однако в формах будущего I и некоторых условных конструкциях он утратил аспектуальное значение.

- (20) а. *ЙыквымивтырꞑIamI xIажва къвышква упыкв!*
jə-kʷə-m-štə-rʃa-ʔ h-aʒa-qʷəš-kʷa w-pəkʷ!
 3PL.ABS-LOC.ELAT-NEG-падать-PRM.DYN-DCL 1PL.PR-слово-хитрый-PL 2SG.M.PR-губы
 ‘Пусть не прекращается поток наших мудрых слов с твоих уст (букв. «пусть наши хитрые слова не соскакивают с твоих уст»)’. (АРПК, Лариса Шебзухова)
- б. *заджвꞑы сйымбанда*
zaʒ-gʷəj s-jə-m-ba-nda
 один-ADD 1SG.ABS-3SG.M.ERG-NEG-видеть-OPT
 ‘не видел бы меня никто’ [Табулова 1976: 159]
- (21) а. *ЙꞑIamkIkyзтын — айаꞑIва гыйаꞑIвам.*
j-ʃa-m-kk-əw-ztən a-jaʃa gʷ-jaʃa-m
 3SG.N.ABS-CSL-NEG-светить-IPF-COND.REAL DEF-звезда NEG.EMP-звезда-NEG
 ‘Если звезда не сверкает, то это не звезда’. [Табулова 1976: 161]
- б. *Анꞑрымтра асхъан бесплътно ауꞑ дꞑынхꞑышым.*
an-jə-rə-m-t-ra əsqan besplátna
 REL.TMP-3SG.M.IO-3PL.ERG-NEG-давать-FUT.NFIN время бесплатно
awəj d-gʷə-n.χ-əw-šə-m
 DIST.SG 3SG.H.ABS-NEG.EMP-работать-IPF-FUT-NEG
 ‘Когда не дадут [денег], он бесплатно работать не будет’. (txt)

Сходная с отрицательными формами модель образования наблюдается также у подпарадигмы инферентивных форм, демонстрирующих нетривиальные особенности морфологии (подробнее см. [Табулова 1976: 166–170; Панова 2019: 39–41]; о соответствующей форме в абхазском языке см. [Hewitt 1979a; Chirikba 2003a]). Инферентив образуется от нефинитных форм простых времен статических и динамических глаголов прибавлением суффикса *-za*, за которым следует либо суффикс непростедевшего времени декларатива *-p* / *-b* (в простых временах), либо комбинация суффикса нефинитного будущего *-rə* с финитным показателем ретроспективного сдвига *-n*. Иными словами, суффикс инферентива как бы выступает в формах будущего II или конъюнктива II, см. таблицу 6. Инферентивные формы в силу своей эпистемической семантики допустимы лишь в независимом предложении и тем самым не имеют нефинитных коррелятов.

Таблица 6

Неотрицательные формы инферентива

Простые		Ретроспективизированные	
Статический презенс	<i>-za-p</i>	Статический претерит	<i>-za-rə-n</i>
Динамический презенс	<i>-wa-za-p</i>	Имперфект	<i>-wa-za-rə-n</i>
Аорист	<i>-za-p</i>	Динамический претерит	<i>-za-rə-n</i>
Будущее I	<i>-wa-š-za-p</i>	Конъюнктив I	<i>-wa-š-za-rə-n</i>

Морфологическое своеобразие инферентивных форм состоит в том, что они содержат два уровня временной морфологии, ср. [Панова 2020: 108]: показатели простых времен предшествуют суффиксу *-za*, а показатель ретроспективного сдвига следует за ним, при том что оба ряда показателей имеют в своей сфере действия ситуацию, относительно которой говорящий высказывает выраженную инферентивом эпистемическую оценку, ср. (22a–b).

- (22) а. *Абзаара сайꞑвꞑузанI са щардачвала.*
a-bzaa.ra s-aʒgʷə-əw-za-p sa šʷarda-ča-la
 DEF-жизнь 1SG.ABS-надеяться-IPF-INFR-NPST.DCL я много-INTF-INS
 ‘Я, видимо, слишком надеюсь на жизнь’. (АП: 16, Фатима Апсова)

b. бсызпиуазарын

b-sə-z.pš-wa-za-rə-n

2SG.F.ABS-1SG.IO-ждать-IPF-INFR-FUT.NFIN-PST.DCL

‘видимо, ты ждала меня’ [Табулова 1976: 167]

Отрицательные формы инферентива, подобно ассертивным формам, включают в свой состав эмфатический отрицательный префикс *g’-*; формы простых времен образуются присоединением инферентивной морфологии к соответствующим отрицательным формам, ср. (23); отрицательные корреляты ретроспективизированных форм инферентива будут рассмотрены в следующем разделе.

(23) дгыйымбазанI

d-g’-jə-m-ba-za-p

3SG.H.ABS-NEG.EMP-3SG.M.ERG-видеть-INFR-NPST.DCL

‘он его, наверное, не увидел’ [Чкадуа 1970: 52]

Наконец, по крайней мере некоторые формы косвенных наклонений демонстрируют сходную с синтаксически нефинитными формами сочетаемость с нефинитными показателями времен, например будущего *-ra* / *-rə* и ретроспективного сдвига *-z*, ср. интеррогатив и оптатив (24a–b) с темпоральной релятивизацией в (21b) и кондиционалом в (24c).

(24) a. Йыздырхуазма цта? (=11a)

*jə-z-dər-χ-wa-z-ma**š’ta*

3SG.N.ABS-1SG.ERG-знать-RE-IPF-PST.NFIN-Q PTCL

‘Разве я помнил это?’ (txt)

b. Ай, алымхларыгIв гIаскIындара!

aj, a-ləmharaŋw ʕa-s-ķə-nda-ra!

ай DEF-бабочка CSL-1SG.ERG-поймать-OPT-FUT.NFIN

‘Ах, поймать бы мне эту бабочку!’ [Табулова 1976: 159]

c. Сара йгIасцIгIларыквыз: <...> Джьауанта йсIварын: <...>

*sara j-ʕa-s-ʕʕa-rək”nə-z: <...>**ʒ’awap-ta*

я 3PL.ABS-CSL-1SG.IO-спрашивать-COND-PST.NFIN ОТВЕТ-ADV

j-s-h”a-rə-n: <...>

3SG.N.ABS-1SG.ERG-сказать-FUT.NFIN-PST

‘Если бы меня спросили: <...>, я бы ответил: <...>’. (АП: 14, Али Ионов)

Предварительно суммируя рассмотренные выше формы, таблица 7 схематически представляет распределение выделенных проявлений (не)финитности в абазинском языке.

Распределение коррелятов (не)финитности

Таблица 7

Глагольные формы	Независимое употребление	Суффиксы декларатива	Ретроспективный сдвиг	Нефинитное будущее <i>-ra</i>	Эмфатическое отрицание <i>g’-</i>
ассертивные неотрицательные	+	+	<i>-n</i>	(+)	n/a
ассертивные отрицательные	+	–/+	<i>-z</i> , см. ниже	+	+
интеррогатив	+	–	<i>-z</i> , см. ниже	+	+
инферентив	+	+	<i>-n</i>	+	+
императив, прохибитив	+	–	–	–	–
оптатив, пермиссив	+	–/+	<i>-z</i>	+	–
релятивизации	–	–	<i>-z</i>	+	–
конвербы	–	–	<i>-z</i>	–	–

Уже из предшествующего частичного рассмотрения становится ясно, что различные способы морфологического маркирования (не)финитности в абазинском языке не вполне коррелируют ни между собою, ни с синтаксическим критерием независимой предикации. Тем не менее можно утверждать, что максимальным набором морфологических признаков финитности обладают неотрицательные ассертивные формы, являющиеся и прототипически финитными с функционально-семантической точки зрения. Прочие же формы (отрицательные ассертивные, неассертивные независимые и тем более зависимые) либо сочетают в своем составе морфологические показатели как финитности, так и нефинитности, либо вовсе лишены каких-либо маркеров финитности.

В следующем разделе несколько типов форм, особенно ярким образом совмещающих финитные и нефинитные морфологические и синтаксические свойства, будут рассмотрены более подробно.

4. «Парадоксы» (не)финитности

В абазинском языке имеется несколько классов глагольных форм, демонстрирующих нетривиальное сочетание финитных и нефинитных свойств на морфологическом и синтаксическом уровнях. Их можно разделить на три класса. Во-первых, это финитные (т. е. возглавляющие независимые клаузы) формы, явным образом включающие в свой состав морфологические показатели, обычно однозначно сигнализирующие о нефинитности. Три типа таких форм будут рассмотрены в разделе 4.1. Во-вторых, это «зеркальный» случай, т. е. нефинитные (неспособные возглавлять независимую клаузу) формы, содержащие морфологические показатели, при прочих равных явно указывающие на финитность. Относящиеся к этому типу формы с адвербиальным суффиксом *-ta* будут рассмотрены в разделе 4.2. Наконец, в-третьих, это форма, способная без каких-либо морфологических модификаций использоваться и в независимой, и в зависимой предикации, а именно динамический претерит с финитным вариантом суффикса ретроспективного сдвига *-n*; о нем пойдет речь в разделе 4.3.

4.1. Финитные формы на основе нефинитных

В предыдущем разделе мы уже видели, что некоторые синтаксически финитные формы, в частности отрицательные корреляты простых времен и неотрицательные ретроспективизированные формы, строятся на основе соответствующих нефинитных форм. Ниже мы рассмотрим еще несколько типов финитных форм, образующихся путем «финитизации» морфологически и синтаксически нефинитных.

Начнем с отрицательных форм ретроспективизированных времен, которые приведены в таблице 8 (с. 117), в которой для сравнения также показаны отрицательные формы простых времен из таблицы 5.

Из сравнения верхней и нижней частей таблицы 8 очевидно, что нефинитные отрицательные формы ретроспективизированных времен образуются прибавлением нефинитного показателя ретроспективного сдвига *-z* к нефинитным формам соответствующих простых времен. Еще интересней структура финитных отрицательных форм ретроспективизированной серии: они образуются прибавлением суффикса декларатива *-t / -d* и отрицательного префикса *g'-* к соответствующим нефинитным формам. Тем самым в этих формах подряд следуют два показателя с противоположными значениями категории финитности (ср. [Табулова 1976: 153]), см. глоссы в примерах (25a–b).

Таблица 8

Отрицательные формы простых и ретроспективизированных времен

	Финитные	Нефинитные
Простые		
Статический презенс	<i>g'-П-Σ-m</i>	П-Σ- <i>m</i>
Динамический презенс	<i>g'-П-Σ-wa-m</i>	П- <i>m-Σ-wa</i>
Аорист	<i>g'-П-m-Σ-т/d</i>	П- <i>m-Σ</i>
Будущее I	<i>g'-П-Σ-wa-šə-m</i>	П- <i>m-Σ-wa-š</i>
Будущее II	<i>g'-П-Σ-rə-m</i>	П- <i>m-Σ-ra</i>
Ретроспективизированные		
Статический претерит	<i>g'-П-Σ-mə-z-т/d</i>	П-Σ- <i>mə-z</i>
Имперфект	<i>g'-П-m-Σ-wa-z-т/d</i>	П- <i>m-Σ-wa-z</i>
Динамический претерит	<i>g'-П-m-Σ-z-т/d</i>	П- <i>m-Σ-z</i>
Конъюнктив I	<i>g'-П-m-Σ-wa-šə-z-т/d</i>	П- <i>m-Σ-wa-šə-z</i>
Конъюнктив II	<i>g'-П-m-Σ-rə-z-т/d</i>	П- <i>m-Σ-rə-z</i>

(25) а. *сгьампхъаз**s-g'-a-m-pχ'a-z-d*

1SG.ABS-NEG.EMP-3SG.N.IO-NEG-учиться-PST.NFIN-DCL

‘я не училась’ (txt)

б. *закIгьы гьстахьымызмI**zak-g'əj g'-s-taqə-mə-z-т*

один-ADD NEG.EMP-1SG.IO-хотеть-NEG-PST.NFIN-DCL

‘я ничего не хотела’ (txt)

Теоретически оппозиция между финитными и нефинитными ретроспективизированными формами в отрицательной парадигме могла бы быть устроена так же, как в неотрицательной, а именно — опираться на противопоставление нефинитного (-z) и финитного (-n) вариантов показателя ретроспективного сдвига. О причинах, по которым абазинский «предпочел» более сложный и «парадоксальный» способ выражения, можно лишь догадываться, но возможно, что они кроются в относительной хронологии образования разных классов форм. Интересно, что в абхазском языке [Chirikba 2003b: 44], где финитные и нефинитные ретроспективизированные формы имперфекта и обоих конъюнктивов различаются позицией отрицательного показателя -m- (суффиксальной в финитных формах, префиксальной в нефинитных), сам принцип «финитизации» форм с суффиксом -z с помощью показателя декларатива выдерживается в точности как в абазинском, ср. примеры (26a–b).

(26) АБХАЗСКИЙ [Chirikba 2003b: 44]

а. *jə-rə-m-ga-wa-z*

REL.ABS-3PL.ERG-NEG-нести-IPF-PST.NFIN

‘то, что они не несли’

б. *də-r-ga-wa-mə-z-т*

3SG.H.ABS-3PL.ERG-нести-IPF-NEG-PST.NFIN-DCL

‘они не несли его’

Тот же способ образования отрицания представлен и у ретроспективизированных форм инферентива (ср. пример (27)), что особенно примечательно, если вспомнить, что

инферентив вообще не имеет нефинитных форм. Тем самым отрицательные формы вроде (27) можно рассматривать как образованные либо «мнимой» (чисто морфологической) «инфинитизацией» с последующей «финитизацией», либо нечленимой комбинацией суффиксов *-z-t* (такая трактовка, по крайней мере, на уровне морфологического членения, представлена в [Табулова 1976: 170])⁷.

(27) *də-g'-ʒa-mə-j-s-za-rə-z-t*

3SG.H.ABS-NEG.EMP-CSL-NEG-ИДТИ-NONDUM-INFR-FUT.NFIN-PST.NFIN-DCL

‘Он(а), вероятно, еще не пришел / пришла’. [Табулова 1976: 170]

Другой тип синтаксически финитных форм, строящихся на базе нефинитных, — интеррогативные глагольные формы, использующиеся для частных вопросов к актантам и сирконстантам (об их структуре и типологическом своеобразии см. [Пазов 2016; Аркадьев 2018; Arkadiev 2020]). Основой для интеррогативной подпарадигмы служат формы релятивизации, к которым присоединяются специализированные вопросительные аффиксы: суффиксы *-da* (если переменная вопроса — лицо), *-ja* (если переменная вопроса не лицо) и префикс *ba-/pa-* в позиции –11 для вопросов к сирконстантам. Нижеследующие примеры иллюстрируют релятивизацию абсолютива (28а), эргатива (29а) и времени (30а) и соответствующие вопросительные формы (28b), (29b) и (30b).

(28) а. *Зарина йылхвгIауа ахи сыжвитI.*

[*zarina jə-l-χʷʒa-wa*]

Зарина REL.ABS-3SG.ERG-покупать-IPF

a-χʂ

DEF-молоко

sə-ž-əj-t

1SG.ERG-пить-PRS-DCL

‘Я пью молоко, которое покупает Зарина’. (е) [Arkadiev, Caponigro 2021: 81]

б. *Зарина йылхвгIауаја?*

zarina jə-l-χʷʒa-wa-ja?

Зарина REL.ABS-3SG.ERG-покупать-IPF-Q.N

‘Что покупает Зарина?’ (е) [Ibid.]

(29) а. *уызыршваз агIвчIвгIвыс*

[*wə-zə-r-šə-z*]

2SG.M.ABS-REL.ERG-CAUS-бояться-PST.NFIN

a-ʃʷʂʃʷəs

DEF-человек

‘человек, который тебя напугал’ (е)

б. *Уызыршвада?*

wə-zə-r-šə-da?

2SG.M.ABS-REL.ERG-CAUS-бояться-Q.H

‘Кто тебя напугал?’ (е)

(30) а. *Лан дангIаіх асхъан асабиі дгълымдырхд.*

[*l-an*

d-an-ʒə-j-χ]

3SG.F.PR-мать 3SG.H.ABS-REL.TMP-CSL-ИДТИ-RE

ásqan

время

a-sabəj

DEF-ребенок

d-g'-lə-m-də-r-χ-d

3SG.H.ABS-NEG.EMP-3SG.F.ERG-NEG-знать-RE-DCL

‘Когда ее мать вернулась, она не знала [про] ребенка’. (txt)

б. *УанбáгIаіх?*

w-an-bá-ʒə-j-χ?

2SG.M.ABS-REL.TMP-Q.ADV-CSL-ИДТИ-RE

‘Когда ты пришел?’ (е)

⁷ Стоит отметить, что в [Чкадуа 1970: 94] приводится иной способ образования таких форм, при котором показатель инферентива выступает в форме *-za-rə-n*, ср. *j-g'-rə-m-hʷ-əw-za-rə-n* 3SG.N.ABS-NEG.EMP-3PL.ERG-NEG-сказать-IPF-INFR-FUT.NFIN-PST.DCL ‘они, наверное, не говорили этого’. Тот же способ образования, согласно Л. П. Чкадуа [Там же], представлен и в абхазском, что может

Следует особо подчеркнуть, что формы с вопросительными аффиксами допускаются только в независимых клаузах; в косвенных вопросах используются соответствующие релятивные формы [Arkadiev, Caponigro 2021]:

- (31) а. *ЙкIаишваз(*-йа) дубама?*
[j-ka-sa-z(-ja)]* *də-w-ba-ma?*
 REL.ABS-LOC-падать-PST.NFIN(*-Q.N) 3SG.H.ABS-2SG.M.ERG-видеть[AOR]-Q
 ‘Ты видел, что упало?’ (е) [Arkadiev, Caponigro 2021: 83]
- б. *Ужвыгъи дыгъсыздырам ахIвранидзаква зыстуаш(*-да).*
wʒə-g'əj *də-g'-sə-z-dəra-m*
 теперь-ADD 3SG.H.ABS-NEG-1SG.IO-POT-знать-NEG
[a-h'rapšʒa-k'wa *zə-s-t-wa-š(*-da)]*
 DEF-цветок-PL REL.IO-1SG.ERG-давать-IPF-FUT(*-Q.N)
 ‘Я еще не знаю, кому подарю цветы’. (е) [Ibid.: 84]
- с. *Йыбдырхума акътап ъа(*ба)цмIабыIаз?*
jə-b-dəg-χ-əw-ma *[a-k'ɪap* *ʔa-(*ba)-š'ɪa-b-çə-z]?]*
 3SG.N.ABS-2SG.F.ERG-знать-RE-IPF-Q DEF-книга REL.LOC-(*QADV)-LOC-2SG.F.ERG-класть-PST.NFIN
 ‘Ты помнишь, куда ты положила книгу?’ (е) [Ibid.: 84]

Наконец, в отличие от общевопросительных форм, частновопросительные формы образуют отрицательные корреляты без эмфатического префикса *g'*:

- (32) а. *Уыгъымпхацума? (= 11b)*
wə-g'ə-m-χaš'-əw-ma
 2SG.M.ABS-NEG.EMP-NEG-стыдиться-IPF-Q
 ‘Тебе не стыдно?’ (txt)
- б. *ЙызIаcáбымхIвйа?*
jə-z-ʒa-s-á-bə-m-h'w-ja?
 3SG.N.ABS-REL.RSN-CSL-1SG.IO-DAT-2SG.F.ERG-NEG-сказать-Q.N
 ‘Почему ты мне этого не сказала?’⁸ (е)

В самом по себе образовании частновопросительных конструкций на основе релятивизации нет ничего удивительно ни с типологической точки зрения [Givón 2001, II: 237–238, 307–310], ни для западнокавказских языков, см. [Сумбатова 2009; Sumbatova 2009]. Связующим звеном между релятивизацией и частными вопросами являются фокусные конструкции⁹, структурно сходные с так называемым псевдоклефтом, ср. пример (33). Необычной, если не уникальной, является используемая абазинским и абхазским синтетическая техника кодирования частных вопросов вместо более привычных вопросительных слов, выступающих в других западнокавказских языках в позиции главного сказуемого псевдоклефта, ср. пример (34) из адыгейского языка.

- (33) *БабушкIа лакIвнI хIара хIагIахыз.*
babuška *l-aq'w-p* *[hara* *h-za-ʒa-χə-z]*
 бабушка 3SG.F.IO-COP-NPST.DCL мы 1PL.ABS-REL.ERG-воспитать-RE-PST.NFIN
 ‘Нас воспитала БАБУШКА’. (txt)

указывать на его историческую первичность по сравнению с формами типа (27), образованными по аналогии с неинферентивной парадигмой.

⁸ Вопросительные формы со значением причины и цели образуются по модели актантных интеррогативов с помощью префикса причинной релятивизации *z-*, восходящего к бенефактивному аппликативу.

⁹ О связях неканонической информационной структуры с нефинитностью см. также [Bisang 2016].

- (34) Адыгейский [Сумбатова 2009: 602]

*Сыда о узгъэгумэкIырэр?**səd-a [we wə-z-we-g^wəmeç 'ə-re-r]?*

что-Q ты 2SG.ABS-REL.ERG-CAUS-беспокоиться-DYN-ABS

‘Почему ты волнуешься (букв. «что есть то, что тебя беспокоит»)?’

Итак, мы видели, что в абазинском есть по меньшей мере два класса глагольных форм, употребляющихся в качестве сказуемого независимого предложения и при этом включающих в свой состав морфологические показатели, в первую очередь характерные для нефинитных форм. Причем если «парадоксальная» структура отрицательных ретроспективизированных форм, сочетающих нефинитный вариант суффикса ретроспективного сдвига с декларативным суффиксом, по всей видимости, является чисто морфологическим «изыском», то за использованием в составе независимых интеррогативных форм префиксов релятивизации стоит вполне понятная диахроническая и функциональная мотивация.

4.2. Нефинитные формы на основе финитных

Второй тип «парадоксальных» с точки зрения (не)финитности абазинских глагольных форм — нефинитные формы, использующиеся в зависимых предикациях и при этом включающие в свой состав морфологические показатели, в прочих случаях однозначно указывающие на независимый статус клаузы. Это формы с адвербиальным суффиксом *-ta*, выступающие в полипредикативных конструкциях, обозначающих несколько ситуаций с одинаковым коммуникативным статусом, обычно связанных отношением временной последовательности (реже одновременности). В таких конструкциях используются морфологически финитные глагольные формы, например статический презенс (35), динамический презенс (36), имперфект (37), футурум (38) или императив (39), и все они, за исключением последней в цепочке, дополнительно маркируются суффиксом адвербиалиса. Важно отметить, что форма, чаще всего выступающая при обозначении последовательных дискурсивно равноценных ситуаций, а именно аорист, в такого рода конструкциях не используется, см. следующий раздел.

- (35)
- XIваджъа дцтIанIта йырхIвакwaуа даздырIвумI.*

*h^waž'a d-š'ta-ṗ-ta**jə-r-h^wa-k^wa-wa*

Ходжа 3SG.H.ABS-лежать-NPST.DCL-ADV REL.ABS-3PL.ERG-сказать-PL-IPF

d-a-z-zərɣ^w-əj-t

3SG.H.ABS-3SG.N.IO-BEN-слушать-PRS-DCL

‘Ходжа лежит и слушает, что они говорят’. (AA: 308)

- (36)
- Адзигу́ра йынкъвыргъэгъы адзы́ дартхумIта, даргъы́ адзы́ йабатагъумIта, йабакIвабумIта, ау́аса йглахъáлхумI.*

*a-zəjwára**jə-nq^wə-r-gá-z-g'əj**a-zə*

DEF-ряженная.кукла REL.ABS-LOC-3PL.ERG-нести-PST.NFIN-ADD DEF-вода

*d-a-r-t-χ-əj-t-ta**dar-g'əj**a-zə*

3SG.H.ABS-3SG.N.IO-3PL.ERG-давать-RE-PRS-DCL-ADV они-ADD DEF-вода

*j-aba-tag^w-əj-t-ta,**j-aba-k^wab-əj-t-ta**awása*

3PL.ABS-REC.ERG-совать-PRS-DCL-ADV 3PL.ABS-REC.ERG-купать-PRS-DCL-ADV так

j-ša-qá-l-χ-əj-t

3PL.ABS-CSL-LOC-войти-RE-PRS-DCL

‘Ряженую куклу, которую они носили, они отдают воде, а сами макают друг друга в воду, купают друг друга, и так поднимаются’. (txt)

- (41) a. *láywəɾʃa mɬamatgʻarəj* ⟨...⟩ *a-z.ʃa.ʔwə-ta* ⟨...⟩ *a-h j-pnə*
 Лоов-APL Магомед Гирей DEF-советник-ADV DEF-царь 3SG.M.IO-возле
 'The king of Loov is near the adviser.'

¹⁰ Было бы соблазнительно предполагать, что разные типы форм с адвербиальным суффиксом различаются с точки зрения набора синтаксических свойств сочинения и подчинения, однако эмпирическая проверка этого не входила в задачи этой статьи.

də-n.χ-əw-n

3SG.N.ABS-работать-IPF-PST.DCL

‘Магомед-Гирей Лоов служил советником у царя’.

- b. *Ayú ýčyn palkóvnikə-n.*

awəj j-č'ən palkóvnikə-n

DIST 3SG.M.PR-чин полковник-PST.DCL

‘Он был в чине полковника’.

- c. *Anxhá ayát ádgəyɬ ɬlaryrtuán ayéništa kəvyrlybəkəv zħakəwz.*

a-pqá awát ádg'əl ɬa-rə-r-t-wá-n awáj.pš-ta

3SG.N.IO-вперед DIST.PL земля CSL-3PL.IO-3PL.ERG-давать-IPF-PST такой-ADV

q'ərɬəq'w z-χa-k'w-əw-z

служба REL.ERG-делать-PL-IPF-PST.NFIN

‘Раньше им давали землю, тем, которые так служили’. (txt)

4.3. «Финитно-нефинитная» форма динамического претерита

Только что описанная логика применима и к поведению еще одной глагольной формы — динамического претерита с суффиксом *-n*. Относясь морфологически к финитной подпарадигме и формально служа ретроспективизированным коррелятом к аористу (поэтому для данной формы уместен и другой ярлык — ретро-аорист, см. [Аркадьев, Клягина, в печати]), данная форма демонстрирует нетривиальные синтаксические и семантические свойства. Во-первых, употребление динамического претерита в независимых предикациях весьма ограничено; так, работы [Чкадуа 1970: 137–140; Табулова 1976: 149–150] пишут, что «прошедшее неопределенное» или «прошедшее незаконченное», как они называют эту форму, «употребляется чаще всего в связи с другой временной формой» [Чкадуа 1970: 137], каковой обычно оказывается аорист [Табулова 1976: 149], ср. описание соответствующей абхазской формы в [Hewitt 1979b: 62–63]. Независимые употребления динамического претерита были изучены в работах [Клягина 2018: 46–47; Клягина, Аркадьев 2019; Klyagina, Arkadiev 2019; Klyagina 2020], в которых показано, что они, как правило, обозначают ситуации в прошлом, нерелевантные для настоящего, в первую очередь такие, результат которых был аннулирован последующим развитием событий, ср. пример (42a) и его минимальную пару с формой аориста в (42b), в нулевом контексте имплицитную сохранение результата в момент речи.

- (42) a. *Sara aχəyɬɬ ɬlasmɬyn.*

sara a-qəš ɬa-s-ɬə-n

я DEF-окно CSL-1SG.ERG-открыть-PST.DCL

‘Я открыл(а) окно [но сейчас оно уже закрыто]’. (e) [Klyagina 2020: 2]

- b. *Sara aχəyɬɬ ɬlasmɬɪ.*

sara a-qəš ɬa-s-ɬə-ɬ

я DEF-окно CSL-1SG.ERG-открыть[AOR]-DCL

‘Я открыл(а) окно [и оно все еще открыто]’. (e) [Ibid.]

Такая семантика вполне ожидаема для формы ретроспективизированного прошедшего, ср. [Plungian, van der Auwera 2006; Сичинава 2013], и хорошо представлена в других абхазо-адыгских языках, ср. [Arkadiev 2017; Клягина 2018; Клягина, Аркадьев 2019]. Необъяснимым, однако, остается то, что примеры, подобные (42a), практически не встречаются вне эlicitации.

Напротив, наиболее частотный контекст для форм динамического претерита в текстах — это «цепочечные» конструкции, обозначающие единичные последовательные события

в прошлом, как правило, объединенные в рамках одного эпизода или «сценария», в которых динамический претерит маркирует не последние элементы цепочки, завершающейся формой аориста, ср. пример (43). Тем самым динамический претерит оказывается аналогичным так называемым «срединным» формам (medial verbs, см. [Haspelmath 1995: 20–27]). Подробнее о распределении форм аориста и претерита (ретро-аориста) в дискурсе см. [Аркадьев, Клягина, в печати].

- (43) *Аджв йгЛацтIхын ишляпа, дизышвишвын, ауахъауы дгIаушIайрысын велосипедла йцáхуаз, йзIгад, ишляпа ййтхын, ауахъауыгъы ххIаклI йзIлайытад.*

áž j-ša-š' tš-j-χə-n j-šljápa
 ОДИН.СЛH 3СГ.Н.АБС-СЛ-ЛОС.ЕЛАТ-3СГ.М.ЕРГ-братъ-ПСТ.ДСЛ 3СГ.М.ПР-шляпа
də-j-zš-ššə-n awayχ'.awəj
 3СГ.Н.АБС-3СГ.М.ИО-БЕН-СВИСТЕТЬ-ПСТ.ДСЛ ДИСТ.ЕМП
d-šá-ča-j-rə-sə-n velasipéd-la j-cá-χ-wa-z
 3СГ.Н.АБС-СЛ-ЛОС-3СГ.М.ЕРГ-КАУС-ОСТАНОВИТЬСЯ-ПСТ ВЕЛОСИПЕД-ИНС РЕЛ.АБС-ИДТИ-РЕ-ИПФ-ПСТ.НФИН
j-zš-j-ga-d j-šljápa
 3СГ.Н.АБС+3СГ.М.ИО-БЕН-3СГ.М.ЕРГ-НЕСТИ[АОР]-ДСЛ 3СГ.М.ПР-шляпа
jš-j-t-χə-n
 3СГ.М.ИО-3СГ.М.ЕРГ-ДАВАТЬ-РЕ-ПСТ.ДСЛ
awayχ'.awə-g'əj χ-há-k j-ša-jš-j-ta-d
 ДИСТ.ЕМП-АДД три-груша-НУМ 3ПЛ.АБС-СЛ-3СГ.М.ИО-3СГ.М.ЕРГ-ДАВАТЬ[АОР]-ДСЛ

‘Один из них поднял его шляпу, свистнул ему, остановил того, кто ехал на велосипеде, принес ему его шляпу и отдал ему, а тот дал ему три груши’. (txt)

Нельзя не обратить внимания на аналогию между конструкциями вида «претерит — ... — претерит — аорист», подобными (43), и рассмотренными в предыдущем разделе конструкциями вида, например, «презентс+адвербиалис — ... — презентс+адвербиалис — презентс». Этот параллелизм особенно очевиден в контекстах настоящего исторического, где презентс с адвербиальным показателем семантически эквивалентен претериту, ср. пример (44), описывающий примерно ту же последовательность событий, что и (43)¹¹.

- (44) *Дзызышвишхидта, дгIаушIайысхидта, ахъылпа дакIв нахвх йхIвIдта, йхъылпа чкIвын зIайытхид <...> хчIвáклI зIахъIхидта, асабIкIва йзIарIутид.*

də-j-zš-šš-χ-əj-d-ta
 3СГ.Н.АБС-3СГ.М.ИО-БЕН-СВИСТЕТЬ-РЕ-ПРС-ДСЛ-АДВ
d-šá-ča-j-rə-s-χ-əj-d-ta a-qəlpá dákw
 3СГ.Н.АБС-СЛ-ЛОС-3СГ.М.ЕРГ-КАУС-ОСТАНОВИТЬСЯ-РЕ-ПРС-ДСЛ-АДВ ДЕФ-шапка чуть
n-áχ^w-χ j-h^w-šj-d-ta j-qəlpá-č'k^wən
 ТРЛ-ВЗЯТЬ-РЕ[ИМП] 3СГ.М.ЕРГ-СКАЗАТЬ-ПРС-ДСЛ-АДВ 3СГ.М.ПР-шапка-малый
ša-jš-j-t-χ-əj-d <...> χ-čá-k
 СЛ-3СГ.М.ИО-3СГ.М.ЕРГ-ДАВАТЬ-РЕ-ПРС-ДСЛ ТРИ-яблоко-НУМ
ša-qə-j-χ-əj-d-ta a-sabəj-k^wa
 СЛ-ЛОС.ЕЛАТ-3СГ.М.ЕРГ-братъ-ПРС-ДСЛ-АДВ ДЕФ-ребенок-ПЛ
j-ša-rə-j-t-əj-d
 3ПЛ.АБС-СЛ-3ПЛ.ИО-3СГ.М.ЕРГ-ДАВАТЬ-ПРС-ДСЛ

‘Он ему свистит, останавливает его, говорит: «Возьми шапку», и отдает ему его шапку. <...> [А тот] достает три яблока и дает их ребятам’. (txt)

Тем самым, независимо от того, как семантически и диахронически связаны между собой автономное и «срединное» употребления форм динамического претерита (ср. обсуждение этого вопроса в [Klyagina 2020]), использование финитных глагольных форм в цепочках клауз, обозначающих последовательность событий, вписывается в более общую

¹¹ Примеры (43) и (44) взяты из записей устных пересказов фильма «Груши» [Chafe 1980].

модель, характерную для абазинского языка. Динамический претерит (ретро-аорист) в «срединной» позиции оказывается своего рода кумулятивным эквивалентом незавершенствованного сочетания аориста с адвербиальным показателем.

* * *

С учетом рассмотренных в этом разделе данных распределение морфологических коррелятов (не)финитности¹² в абазинском языке можно суммировать в таблице 9.

Таблица 9

Распределение коррелятов (не)финитности

Формы глагола	Независимое употребление	Суффиксы декларатива	Ретроспективный сдвиг	Нефинитное будущее <i>-ra</i>	Эмфатическое отрицание	Релятивные префиксы
ассертивные неотрицательные	+	+	<i>-n</i>	(+)	n/a	—
ассертивные отрицательные	+	<i>-/+</i>	<i>-z</i>	+	+	—
общевопросительные	+	—	<i>-z</i>	+	+	—
частновопросительные	+	—	<i>-z</i>	+	—	+
инферентив	+	+	<i>-n</i>	+	+	—
императив, прохибитив	+	—	—	—	—	—
оптатив, пермиссив	+	<i>-/+</i>	<i>-z</i>	+	—	—
«срединные» формы на <i>-la</i>	—	+	<i>-n</i>	—	+	—
релятивизации	—	—	<i>-z</i>	+	—	+
конвербы	—	—	<i>-z</i>	—	—	<i>-/+</i>

Таблица 9 еще нагляднее, чем приведенная выше таблица 7, показывает, что различные морфологические признаки (не)финитности лишь слабо коррелируют между собою и с синтаксическим свойством независимого употребления. Каждый морфологический параметр выделяет свое собственное множество форм, причем как независимых, так и зависимых. Даже такой, казалось бы, однозначно связанный с нефинитностью признак, как использование релятивных префиксов, может при определенных условиях сочетаться с независимым употреблением.

Тем не менее можно указать на общий для всего рассмотренного разнообразия абазинских глагольных форм принцип, состоящий в том, что синтаксическая (не)финитность — т. е. способность формы использоваться в качестве сказуемого независимой resp. зависимой предикации — определяется на последнем шаге морфологической деривации. Действительно, если присоединением нефинитного показателя ретроспективного сдвига *-z* к простым отрицательным нефинитным формам получают нефинитные отрицательные формы ретроспективизированной подпарадигмы, то финитные корреляты последних получают прибавлением к ним декларативного суффикса *-t*, ср. схему (45).

¹² В принципе в их число можно было также включить сочетаемость с суффиксами множественного числа *-k^{wa}* и инструменталиса *-la*, допустимую по крайней мере для форм релятивизации.

- (45) нефинитный отрицательный презенс: $\Pi-m-\Sigma-wa \rightarrow$
 $\rightarrow$ нефинитный отрицательный имперфект: $\Pi-m-\Sigma-wa-z \rightarrow$
 $\rightarrow$ финитный отрицательный имперфект: $\Pi-m-\Sigma-wa-z-t$

Аналогичным образом вопросительные показатели «финитизируют» релятивные формы, а суффикс адвербиалиса, наоборот, «инфинитизирует» декларативные:

- (46) финитный презенс: $\Sigma-aj-t \rightarrow$
 $\rightarrow$ «срединный» презенс: $\Sigma-aj-t-ta$

В ряде случаев оппозиция финитных и нефинитных форм является эквиолентной, как в неотрицательной ретроспективизированной подпарадигме, образованной на основе простых нефинитных форм, но и в этом случае синтаксический статус формы определяется именно последним этапом деривации:

- (47) нефинитный презенс: $\Sigma-wa \rightarrow$
 $\rightarrow$ финитный имперфект: $\Sigma-wa-n$
 $\rightarrow$ нефинитный имперфект: $\Sigma-wa-z$

Исключением из этого принципа являются некоторые формы косвенных наклонений, например опатива, к суффиксам которых могут присоединяться нефинитные показатели будущего или ретроспективного сдвига, см. пример (24b) выше. Семантический вклад таких показателей в значение этих форм, как и факторы, приводящие к потенциально некорректному порядку аффиксов, требуют дальнейшего изучения.

5. Заключение

Несмотря на то, что в абазинском языке представлен целый ряд морфологических явлений, на первый взгляд прямо коррелирующих с синтаксическим статусом глагольной формы как независимой resp. зависимой, рассмотренные выше факты свидетельствуют о том, что каждое из таких явлений выделяет свой собственный класс глагольных форм и ни одно из них не находится в одно-однозначном соответствии с синтаксической (не)финитностью. Тем самым и в абазинском (не)финитность оказывается «метакатегорией», проявляющей себя, однако, не в ограничениях на выражение категорий лица или времени, а в подчас весьма прихотливом распределении целого ряда разнородных морфологических показателей — суффиксов декларатива и ретроспективного сдвига, эмфатического префикса отрицания, а также их комбинаций между собою и с другими маркерами.

Более того, в абазинском имеется несколько классов глагольных форм, сочетающих в своем составе показатели, один из которых в прочих случаях однозначно указывает на финитность, а другой — на нефинитность. Мотивация образования таких «парадоксальных» с точки зрения (не)финитности глагольных форм может быть морфологической, как в случае отрицательных финитных форм ретроспективизированных времен, образованных присоединением суффикса декларатива к нефинитному суффиксу ретроспективного сдвига, синтаксической, как у частновопросительных форм, строящихся на основе релятивизации, и даже дискурсивной, как у выступающих в особом типе цепочечной полипредикации декларативных форм с адвербиальным суффиксом. За всеми этими случаями можно усмотреть более общий организующий принцип, а именно последовательность морфологической деривации, заключительный шаг которой определяет (не)финитность глагольной формы, а последующие этапы деривации при определенных условиях могут

«отменять» результаты предыдущих. Это, вообще говоря, является частным проявлением характерной для многих полисинтетических языков «агглютинативной» (со всеми оговорками относительно типологической валидности этого понятия, см. [Haspelmath 2008]) организации морфологии, при которой аффиксы присоединяются последовательно в соответствии со своей сферой действия (см. [Korotkova, Lander 2010] об этом применительно к адыгейскому языку).

Ценность рассмотренного абазинского материала для типологии и теории финитности, как я полагаю, состоит в следующем. Во-первых, он демонстрирует, каким образом эта категория может реализовываться в языке, где в силу полисинтетизма и последовательного вершинного маркирования выражение актантов одинаково в зависимых и в главных клаузах (стоит вспомнить, что во многом на этом основании М. Бейкер [Baker 1996: 25, 472–484], исходя из характерного для ряда европейских языков запрета на личное согласование и выражение субъекта при нефинитных формах, вообще предсказывал несуществование нефинитных клауз и глагольных форм в полисинтетических языках, ср., впрочем, [Evans 2006]), ср. также [Lander, Testelefs 2017: 965–969] об адыгейском. Во-вторых, абазинские данные показывают, до какой степени близко язык может подходить к реализации финитности как морфологической категории в классическом понимании этого термина и одновременно насколько сложной и даже внутренне противоречивой может оказаться формальное воплощение такой категории. В-третьих, нетривиально существование в абазинском механизмов «инфинитизации» и «финитизации» (независимых от также представленных способов номинализации и вербализации), применимых, пусть и ограниченно, к результатам друг друга и служащих для того, чтобы, сохраняя семантико-синтаксические свойства, полученные глагольной формой на определенном уровне морфологической деривации, включить ее в тот или иной синтаксический контекст, требующий финитного или, наоборот, нефинитного маркирования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо

ABS — абсолютив

ADD — аддитивность

ADV — адвербиализатор

AOR — аорист

APL — ассоциативное множественное число

BEN — бенефактив

CAUS — каузатив

CLN — классификатор людей

CNC — уступительность

COM — комитатив

COND — кондиционал

COP — связь

CSL — цислокатив «сюда»

DAT — дативный аппликатив

DCL — декларатив

DEF — определенность

DIST — дальний демонстратив

DYN — динамичность

ELAT — элатив

EMP — эмфаза

ERG — эргатив

F — женский род

FUT — будущее время

H — класс людей

IMMED — конверб с иммедиатным значением
«как только»

IMP — императив

INC — инцептив

INDF — неопределенность

INFR — инферентив

INS — инструменталис

INTF — интенсив

IO — не прямой объект

IPF — имперфектив

LAT — латив

LOC — локативный преверб

M — мужской род

MNR — способ

MSD — масдар

N — класс не-людей

NEG — отрицание

NFIN — нефинитная форма

NML — номинализация

NONDUM — кунктатив «еще не»

NPST — непрошедшее время

NUM — показатель числительных

OPT — оптатив

PL — множественное число

POT — потенциалис

PR — посессор
 PRM — пермиссив
 PRON — прохибитив
 PROX — ближний демонстратив
 PRS — настоящее время
 PST — прошедшее время
 PTCL — частица
 PURP — целевой конверб
 Q — общий интеррогатив
 QADV — адвербиальный интеррогатив
 RE — рефактив
 REAL — реалис

REC — реципрок
 REL — релятивизация
 REP — репетитив
 RES — результатив
 RFL — рефлексив
 RSN — причина
 SG — единственное число
 SIM — конверб одновременности
 ST — статичность
 TMP — время
 TRL — транслокатив «отсюда»
 UNTIL — конверб со значением 'до тех пор, пока'

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АА — *Абазашта алокIкwa* («Сказки Абазашты»). Ставрополь: «Бюро новостей», 2016.
 АП — Абазинская поэзия. *Современная литература народов России. Поэзия. Антология*. М.: Обьединенное гуманитарное изд-во, 2017, 13–20.
 АРПК — Сорокина А. Д. *Абазинско-русский параллельный корпус*. М.: НИУ ВШЭ, 2019. https://linghub.ru/abaza_rus_corpus/search.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- А. Авидзба 2017 — Авидзба А. В. *Локальные превербы в абхазском и абазинском языках*. Дис. ... канд. филол. наук. Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, 2017. [Avidzba A. V. *Lokal'nye preverby v abkhazskom i abazinskom yazykakh* [Local preverbs in Abkhaz and Abaza]. Candidate diss., Gulia Abkhazian Institute for Humanities, 2017.]
3. Авидзба 2017 — Авидзба З. Х. *Модальные аффиксы в глаголе абхазского языка (по данным всех абхазо-абазинских диалектов)*. Чкадуа Л. П. (ред.). Сухум: Абхазский ин-т гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа, 2017. [Avidzba Z. Kh. *Modal'nye affiksy v glagole abkhazskogo yazyka (po dannym vseh abkhazo-abazinskikh dialektov)* [Modal affixes in the Abkhaz verb, based on all Abkhaz-Abaza dialects]. Chkadua L. P. (ed.). Sukhum: Gulia Abkhazian Institute for Humanities, 2017.]
- Аристава и др. 1968 — Аристава Ш. К., Бгажба Х. С., Циколия М. М., Чкадуа Л. П., Шакрыл К. С. *Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология*. Сухуми: Алашара, 1968. [Aristava Sh. K., Bgazhba Kh. S., Tsikoliya M. M., Chkadua L. P., Shakryl K. S. *Grammatika abkhazskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Abkhaz grammar: Phonetics and morphology]. Sukhumi: Alashara, 1968.]
- Аркадьев 2014 — Аркадьев П. М. Критерии финитности и морфосинтаксис литовских причастий. *Вопросы языкознания*, 2014, 5: 68–96. [Arkadiev P. M. Criteria of finiteness and the morphosyntax of Lithuanian participles. *Voprosy Jazykoznanija*, 2014, 5: 68–96.]
- Аркадьев 2018 — Аркадьев П. М. Частные вопросы без вопросительных слов: интеррогативные глагольные формы в абазинском языке. *Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017*. М.: Буки Веди, 2018, 9–15. [Arkadiev P. M. *Wh-questions without wh-words: Interrogative verb forms in Abaza. Malye yazyki v bol'shoi lingvistike*: Proc. of the 2017 conf. Moscow: Buki Vedi, 2018, 9–15.]
- Аркадьев 2021 — Аркадьев П. М. *Инкорпорация в абазинском языке: к постановке проблемы*. Доклад на 3-й конференции «Малые языки в большой лингвистике», МГУ, 23–24 апреля 2021 г. [Arkadiev P. M. *Incorporation in Abaza: Stating the problem*. Talk at the 3rd conf. "Minor languages in big linguistics", Lomonosov Moscow State Univ., 2021.]
- Аркадьев, Клягина, в печати — Аркадьев П. М., Клягина Е. С. К описанию распределения двух перфективных форм в абазинских нарративах. В печати в сборнике материалов конференции *Малые языки в большой лингвистике — 2022*. [Arkadiev P. M., Klyagina E. S. Describing the distribution of two perfective forms in Abaza narratives. To appear in the proceedings of *Malye Yazyki v Bol'shoi Lingvisitke — 2022*.]

- Гагиев 2000 — Гагиев И. И. *Синтаксис простого предложения в абазинском языке*. Дис. ... докт. филол. наук. М.: Ин-т языкознания РАН, 2000. [Gagiev I. I. *Sintaksis prostogo predlozheniya v abazinskom yazyke* [Clause syntax in Abaza]. Doctoral diss. Moscow: Institute of Linguistics, 2000.]
- Гванцеладзе 2010 — Гванцеладзе Т. *Отрицательные формы глагола в абхазском и абазинском языках*. Тбилиси: Сухумский гос. ун-т, Ин-т абхазского языка и культуры, 2010. [Gvantseladze T. *Otritsatel'nye formy glagola v abkhazskom i abazinskom yazykakh* [Negative verb forms in Abkhaz and Abaza]. Tbilisi: Sukhumi State Univ., Institute for Abkhaz Language and Culture, 2010.]
- Гишев 1989 — Гишев Н. Т. *Глагол адыгейского языка*. М.: Прометей, 1989. [Gishev N. T. *Glagol adygeiskogo yazyka* [The Adyghe verb]. Moscow: Prometei, 1989.]
- Ершова 2012 — Ершова К. А. Именные и глагольные свойства бесленеевского масдара. *Полевые исследования студентов РГГУ: Этнология. Фольклористика. Лингвистика. Религиоведение*. Вып. VII. М.: РГГУ, 2012, 245–265. [Ershova K. A. Nominal and verbal properties of Beslenei masdar. *Polevye issledovaniya studentov RGGU: Etnologiya. Fol'kloristika. Lingvistika. Religiovedenie*. No. VII. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2012, 245–265.]
- Калинина 1998 — Калинина Е. Ю. Разграничение финитных и нефинитных форм глагола в типологическом аспекте. *Вопросы языкознания*, 1998, 4: 82–110. [Kalinina E. Yu. Distinction between finite and non-finite verbal forms from a typological point of view. *Voprosy Jazykoznanija*, 1998, 4: 82–110.]
- Калинина 2001 — Калинина Е. Ю. *Нефинитные сказуемые в независимом предложении*. М.: ИМ-ЛИ, 2001. [Kalinina E. Yu. *Nefinitnye skazuemye v nezavisimom predlozhenii* [Non-finite predicates in independent clauses]. Moscow: Gorky Institute of World Literature, 2001.]
- Керашева 1984 — Керашева З. И. *Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках*. Тбилиси: Мецниереба, 1984. [Kerasheva Z. I. *Predlozheniya s finitnymi i infinitnymi glagolami v adygskikh yazykakh* [Clauses with finite and non-finite verbs in Circassian languages]. Tbilisi: Metsniereba, 1984.]
- Кибрик 2008 — Кибрик А. А. Финитность и дискурсивная функция клаузы (на примере карачаево-балкарского языка). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 4: *Грамматические категории в дискурсе*. Гусев В. Ю., Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (ред.). М.: Гнозис, 2008, 99–134. [Kibrik A. A. Finiteness and the clause's discursive function: The case of Karachay-Balkar. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 4: *Grammaticheskie kategorii v diskurse*. Gusev V. Yu., Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (eds.). Moscow: Gnozis, 2008, 99–134.]
- Клычев 1972 — Клычев Р. Н. *Глагольные суффиксы направления в абазинском и абхазском языках*. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1972. [Klychev R. N. *Glagol'nye suffiksy napravleniya v abazinskom i abkhazskom yazykakh* [Directional verbal suffixes in Abaza and Abkhaz]. Cherkessk: Stavropol Publishing House, 1972.]
- Клычев 1994 — Клычев Р. Н. *Локально-превербное образование глаголов абазинского языка*. Черкесск: Аджьпа, 1994. [Klychev R. N. *Lokal'no-preverbnoe obrazovanie glagolov abazinskogo yazyka* [Derivation of verbs with local preverbs in Abaza]. Cherkessk: Adzh'pa, 1994.]
- Клычев 1995 — Клычев Р. Н. *Словарь сочетаемости локальных превербов с суффиксоидами и глагольными корнями в абазинском языке*. Черкесск: Карачаево-черкесское книжное изд-во, 1995. [Klychev R. N. *Slovar' sochetaemosti lokal'nykh preverbov s suffiksoidami i glagol'nyimi kornyami v abazinskom yazyke* [Combinability of local preverbs with suffixoids and verb roots in Abaza: A dictionary]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkessian Publishing House, 1995.]
- Клягина 2018 — Клягина Е. С. *Система прошедших времен в абхазо-адыгских языках*. Бакалаврская работа. М.: РГТУ, 2018. [Klyagina E. S. *Sistema proshedshikh vremen v abkhazo-adygskikh yazykakh* [Past tense systems in Abkhaz-Adyghean languages]. Bachelor thesis. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2018.]
- Клягина, Аркадьев 2019 — Клягина Е. С., Аркадьев П. М. Категория сверхпрошлого в западнокавказских языках. *Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию Мухадина Абубекировича Кумахова*. Бижоев Б. Ч. (отв. ред.). Нальчик: Ин-т гуманитарных исследований, 2019, 180–191. [Klyagina E. S., Arkadiev P. M. The category of “superpast” in West Caucasian. *Kavkazskaya filologiya: istoriya i perspektivy. K 90-letiyu Mukhadina Abubekirovicha Kumakhova*. Bizhoviev B. Ch. (ed.). Nalchik: Institute for the Humanities, 2019, 180–191.]
- Кумахов (ред.) 2006 — Кумахов М. А. (отв. ред.). *Кабардино-черкесский язык*. Т. I: *Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис*. Нальчик: Эль-Фа, 2006. [Kumakhov M. A. (ed.). *Kabardino-cherkesskii yazyk* [Kabardin-Cherkes language]. Vol. I: *Sozdanie pis'mennosti, fonetika i fonologiya, morfologiya, sintaksis* [Alphabet creation, phonetics and phonology, morphology, syntax]. Nalchik: El'-Fa, 2006.]

- Ломтатидзе 2006 — Ломтатидзе К. В. *Абазинский язык (краткое обозрение)*. Тбилиси: Ин-т языкознания Арнольда Чикобава, 2006. [Lomtadidze K. V. *Abazinskii yazyk (kratkoe obozrenie)* [The Abaza language: A brief survey]. Tbilisi: Chikobava Institute of Linguistics, 2006.]
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. *Курс общей морфологии*. Т. II: *Часть вторая: Морфологические значения*. Пер. с франц. В. А. Плунгяна, общ. ред. Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной. М.: Языки русской культуры; Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1998. [Mel'čuk I. A. *Cours de morphologie générale*. Vol. II: *Deuxième partie : Significations morphologiques*. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal; Paris: CNRS Éditions, 1994. Transl. into Russian.]
- Пазов 2016 — Пазов С. У. Вопросительные глагольные формы в структуре вопросительного предложения в абазинском языке. *Адыгэ филологийер. Непэрэ Иофыгъохэр. Бзэр. Тарихъыр. Лумературэр. Фольклорыр*. Дюздзэ университет дунэе симпозиум адыгэ филологийер 13–15 жьоныгъуакI 2016. Дюздзэ, 2016, 129–137. [Pazov S. U. Interrogative verb forms in the structure of interrogative sentences in Abaza. *Adige filolojisi. Güncel Konular. Dil. Tarih. Edebiyat. Sosyo-kültür*. The symposium on Adyghe philology at the Düzce Univ., May 13–15, 2016. Düzce, 2016, 129–137.]
- Пазов 2019 — Пазов С. У. Усилительно-подтвердительная частица *гъ(ы)*- и особенности ее употребления в структуре отрицательного глагола в абазинском языке. *Кавказская филология: история и перспективы. К 90-летию Мухадина Абубекировича Кумахова*. Бижоев Б. Ч. (отв. ред.). Нальчик: Ин-т гуманитарных исследований, 2019, 219–225. [Pazov S. U. Emphatic-confirmative particle *g'(y)*- and its usage in the structure of the negative verb in Abaza. *Kavkazskaya filologiya: istoriya i perspektivy. K 90-letiyu Mukhadina Abubekirovicha Kumakhova*. Bizhoviev B. Ch. (ed.). Nalchik: Institute for the Humanities, 2019, 219–225.]
- Панова 2019 — Панова А. Б. *Вопросы функционирования абазинских глагольных суффиксов*. Бакалаврская работа. М.: НИУ ВШЭ, 2019. [Panova A. B. *Voprosy funktsionirovaniya abazinskikh glagol'nykh suffiksov* [Issues of functioning of Abaza verb suffixes]. Bachelor thesis, HSE Univ. (Moscow), 2019.]
- Панова 2020 — Панова А. Б. Морфологически связанная комплементация в абазинском языке. *Вопросы языкознания*, 2020, 4: 87–114. [Panova A. B. Morphologically bound complementation in Abaza. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 4: 87–114.]
- Плунгян 1998 — Плунгян В. А. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига». *Язык. Африка. Фульбе: сборник статей в честь А. И. Коваль*. Выдрин В. Ф., Кибрик А. А. (отв. ред.). СПб.: Европейский дом, 1998, 106–115. [Plungian V. A. Pluperfect and markers of retrospective shift. *Yazyk. Afrika. Ful'be: sbornik statei v chest' A. I. Koval'*. Vydrin V. F., Kibrik A. A. (eds.). St. Petersburg: Evropeiskii Dom, 1998, 106–115.]
- Рогава, Керашева 1966 — Рогава Г. В., Керашева З. И. *Грамматика адыгейского языка*. Краснодар; Майкоп: Краснодарское книжное изд-во, 1966. [Rogava G. V., Kerasheva Z. I. *Grammatika adygeiskogo yazyka* [A Grammar of Adyghe]. Krasnodar; Maikop: Krasnodar Publishing House, 1966.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. М.: АСТ-Пресс, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [Typology of the pluperfect. The Slavic pluperfect]. Moscow: AST-Press, 2013.]
- Сумбатова 2009 — Сумбатова Н. Р. Коммуникативная структура адыгейского предложения: перспектива и фокус. *Аспекты полисинтетизма: Очерки по грамматике адыгейского языка*. Тестелец Я. Г. (отв. ред.). М.: Изд-во РГГУ, 2009, 559–611. [Sumbatova N. R. Information structure of the Adyghe sentence: Perspective and focus. *Aspekty polisintetizma: Ocherki po grammatike adygeiskogo yazyka*. Testeleets Ya. G. (ed.). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Press, 2009, 559–611.]
- Табулова 1976 — Табулова Н. Т. *Грамматика абазинского языка. Фонетика и морфология*. Черкесск: Ставропольское книжное изд-во, 1976. [Tabulova N. T. *Grammatika abazinskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [A Grammar of Abaza: Phonetics and morphology]. Cherkessk: Stavropol Publishing House, 1976.]
- Чкадуа 1970 — Чкадуа Л. П. *Система времен и модальных образований в абхазо-абазинских диалектах*. Тбилиси: Мецниереба, 1970. [Chkadua L. P. *Sistema vremen i modal'nykh obrazovaniy v abkhazo-abazinskikh dialektakh* [System of tenses and modal formations in Abkhaz-Abaza dialects]. Tbilisi: Metsniereba, 1970.]
- Arkadiev 2017 — Arkadiev P. M. When perfective and imperfective mean the same: Pluperfect and “retrospective shift” in Circassian languages. *Historical linguistics of the Caucasus. Book of abstracts. Paris, 12–14 April 2017*. Authier G., Gérardin H., Magomedov M., Maisak T. (eds.). Makhachkala: Tsadasa Institute for Language, Literature, and Art, 2017, 18–23.
- Arkadiev 2020 — Arkadiev P. M. Syntax in morphological guise: Interrogative verbal morphology in Abaza. *Linguistic Typology*, 2020, 24(2): 211–251.

- Arkadiev, Caponigro 2021 — Arkadiev P. M., Caponigro I. Conveying content questions without *wh*-words: Evidence from Abaza. *Proc. of Sinn und Bedeutung* 25. Grosz P., Marti L., Pearson H., Sudo Y., Zobel S. (eds.). London: E-publication, 2021, 73–94. <https://ojs.ub.uni-konstanz.de/sub/index.php/sub/issue/view/29>.
- Arkadiev, Lander 2020 — Arkadiev P. M., Lander A. Y. The Northwest Caucasian languages. *The Oxford handbook of the languages of the Caucasus*. Polinsky M. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2020, 369–446.
- Baker 1996 — Baker M. C. *The polysynthesis parameter*. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 1996.
- Bisang 2001 — Bisang W. Finite vs. non-finite languages. *Language typology and language universals. An international handbook*. Vol. 2. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2001, 1400–1413.
- Bisang 2007 — Bisang W. Categories that make finiteness: Discreetness from a functional perspective and some of its repercussions. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 115–137.
- Bisang 2016 — Bisang W. Finiteness, nominalization, and information structure: Convergence and divergence. *Finiteness and nominalization*. Chamoreau C., Estrada-Fernández Z. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2016, 13–41.
- Brugmann 1892 — Brugmann K. *Grundriss der vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen*. II. Bd. *Wortbildungslehre (Stammbildungs- und Flexionslehre)*. 2. Hälfte. Strassburg: Karl J. Trübner, 1892.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. *The evolution of grammar. Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1994.
- Chafe (ed.) 1980 — Chafe W. (ed.). *The Pear Stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood (NJ): Ablex, 1980.
- Chirikba 2003a — Chirikba V. Evidential category and evidential strategy in Abkhaz. *Studies in evidentiality*. Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2003, 243–272.
- Chirikba 2003b — Chirikba V. *Abkhaz*. München; Newcastle: LINCOM Europa, 2003.
- Creissels 2009 — Creissels D. Participles and finiteness: the case of Akhvakh. *Linguistic Discovery*, 2009, 7(1): 106–130.
- Cristofaro 2003 — Cristofaro S. *Subordination*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003.
- Cristofaro 2007 — Cristofaro S. Deconstructing categories: Finiteness in a functional-typological perspective. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 91–114.
- Evans 2006 — Evans N. Who said polysynthetic languages avoid subordination? Multiple subordination strategies in Dalabon. *Australian Journal of Linguistics*, 2006, 26(1): 31–58.
- Evans 2007 — Evans N. Insubordination and its uses. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 366–431.
- Evans, Watanabe (eds.) 2016 — Evans N., Watanabe N. (eds.). *Insubordination*. Amsterdam: John Benjamins, 2016.
- Fenwick 2011 — Fenwick R. S. H. *A grammar of Ubykh*. München: LINCOM Europa, 2011.
- Givón 1990 — Givón T. *Syntax. A functional-typological introduction*. Vols. 1–2. Amsterdam: John Benjamins, 1990.
- Givón 2001 — Givón T. *Syntax. An introduction*. Vols. 1–2. Revised edn. Amsterdam: John Benjamins, 2001.
- Haspelmath 1995 — Haspelmath M. The converb as a cross-linguistically valid category. *Converbs in cross-linguistic perspective*. Haspelmath M., König E. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995, 1–55.
- Haspelmath 2008 — Haspelmath M. An empirical test of the Agglutination Hypothesis. *Universals of language today*. Scalise S., Magni E., Bisetto A. (eds.). Dordrecht: Springer, 2008, 13–29.
- Hewitt 1979a — Hewitt B. G. The expression of ‘inferentiality’ in Abkhaz. *Journal of Linguistics*, 1979, 15(1): 87–92.
- Hewitt 1979b — Hewitt B. G. *Abkhaz*. Amsterdam: North Holland, 1979.
- Hewitt 1987 — Hewitt B. G. *The typology of subordination in Georgian and Abkhaz*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1987.
- Hewitt 2005 — Hewitt B. G. North West Caucasian. *Lingua*, 2005, 119: 91–145.
- Hewitt 2010 — Hewitt B. G. Non-finite verbal functions in Abkhaz (North West Caucasian). *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels*. Floricic F. (éd.). Paris: ENS Editions, 2010, 269–286.

- Holvoet 2021 — Holvoet A. The notion of mood reexamined, against the background of modality. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 6: 7–21.
- Kalinina, Sumbatova 2007 — Kalinina E. Ju, Sumbatova N. R. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 183–249.
- Klyagina 2020 — Klyagina E. S. Semantics and pragmatics of past tenses in Abaza. MA term paper, HSE Univ. (Moscow), 2020.
- Klyagina, Arkadiev 2019 — Klyagina E. S., Arkadiev P. M. Discontinuous past is real: Evidence from Northwest Caucasian. Talk at the workshop “Tense, aspect and mood categories across languages”, 52nd Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea, Leipzig, 21–24 August 2019.
- Koptjevskaja-Tamm 1999 — Koptjevskaja-Tamm M. Finiteness. *Concise encyclopedia of grammatical categories*. Brown K., Miller J. (eds.). Amsterdam: Elsevier, 1999, 146–149.
- Korotkova, Lander 2010 — Korotkova N., Lander Yu. Deriving suffix ordering in polysynthesis: Evidence from Adyghe. *Morphology*, 2010, 20: 299–319.
- Lander, Testeleets 2017 — Lander Yu. A., Testeleets Ya. G. Adyghe. *The Oxford handbook of polysynthesis*. Fortescue M., Mithun M., Evans N. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2017, 948–970.
- Lasser 1997 — Lasser I. *Finiteness in adult and child German*. Ph.D. diss., City Univ. of New York, 1997.
- Lehmann 1988 — Lehmann C. Towards a typology of clause linkage. *Clause combining in grammar and discourse*. Haiman J., Thompson S.A. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 1988, 181–226.
- Maas 2004 — Maas U. “Finite” and “nonfinite” from a typological perspective. *Linguistics*, 2004, 42(2): 359–385.
- Malchukov 2004 — Malchukov A. *Nominalization/verbalization: Constraining a typology of transcategorial operations*. München: LINCOM Europa, 2004.
- Meier-Brügger 2003 — Meier-Brügger M. *Indo-European linguistics*. Berlin: Walter de Gruyter, 2003.
- Nikolaeva 2007a — Nikolaeva I. Constructional economy and nonfinite independent clauses. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 138–180.
- Nikolaeva 2007b — Nikolaeva I. Introduction. *Finiteness: Theoretical and empirical foundations*. Nikolaeva I. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 1–19.
- Nikolaeva 2010 — Nikolaeva I. Typology of finiteness. *Language and Linguistics Compass*, 2010, 4: 1176–1189.
- Nikolaeva 2013 — Nikolaeva I. Unpacking finiteness. *Canonical morphology and syntax*. Brown D., Chumakina M., Corbett G. G. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2013, 99–122.
- O’Herin 2001 — O’Herin B. Abaza applicatives. *Language*, 2001, 77(3): 477–493.
- O’Herin 2002 — O’Herin B. *Case and agreement in Abaza*. Arlington: SIL International, 2002.
- Palmer 2001 — Palmer F. R. *Mood and modality*. 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001.
- Plungian, van der Auwera 2006 — Plungian V. A., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 2006, 59(4): 317–349.
- Shagal 2019 — Shagal K. *Participles. A typological study*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2019.
- Stassen 1985 — Stassen L. *Comparison and universal grammar*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Sumbatova 2009 — Sumbatova N. R. Constituent questions and argument-focus constructions: Some data from the North-Caucasian languages. *Form and function in language research. A Festschrift for Christian Lehmann*. Helmbrecht J., Nishima Y., Shin Y.-M., Skopeteas S., Verhoeven E. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2009, 313–328.